

чего не сказалъ ямщику, боясь, что можетъ произойти остановка.

Однако, человекъ догналъ насъ и подаль какую-то забытую картонку. Ямщикъ опять усѣлся, подобралъ подь себя возжи и хлеснулъ лошадей. Колымага тряхнулась и поплыла.

Я оглянулся назадъ. Отлогимъ скатомъ сбѣгало внизъ шоссе, въ его перспективѣ видѣлся нашъ перекрестокъ у „фигуры“ и каменни (каменный домъ) Коляновскихъ. Вотъ уголь забора, на которомъ мы, бывало, просиживали съ братомъ цѣлые часы, ожидая появленія чего-нибудь необычнаго вотъ отсюда, гдѣ теперь тихо катится наша коляска...

Она спустилась съ подъема, мимо побѣжали лачуги, заборы, землянки. Вотъ лавочка, гдѣ Крыштановичъ покупалъ булки. Вотъ шоссе, съ такими же пѣшеходами, балагурами и странниками. Вотъ мостъ и рѣчка, гдѣ мы купались съ моимъ товарищемъ. Вотъ Врангелевская роща...

Какое-то особое ощущеніе, какъ будто мимолетной приятной боли промелькнуло въ душѣ. Это отрывалась въ первый разъ рѣзко ограниченная полоска жизни.

Мостъ исчезъ, осталась назади сосновая роща... Впереди лежалъ просторъ, широкій, невѣдомый, загадочный и заманчивый... Свечерѣло, когда мы подъѣхали къ первой станціи, желтому зданію съ красной крышей и готической архитектурой. Это былъ послѣдній предѣлъ, еще какъ бы напоминавшій о родномъ городѣ...

Перепрягли лошадей, прописали подорожную (съ этимъ мать посылала меня, чѣмъ я очень гордился), я опять поѣхалъ на козлы...

Дорога, синія сумерки, потомъ звѣздная ночь и фосфорическія облака, какъ будто насыщенные луннымъ свѣтомъ... Мать стучитъ въ оконце за козлами, ямщикъ сдерживаетъ лошадей и наклоняется. Мать спрашиваетъ, не холодно ли мнѣ, не сплю ли я и не свалюсь ли съ козелъ...

Мнѣ кажется, что я не спалъ, но все-таки мѣсто, гдѣ мы стоимъ, для меня неожиданно ново: передъ нами мостъ, подь нимъ темная рѣчка, съ лѣвой стороны стоитъ лѣсъ, и верхушки деревьевъ тихо качаются въ синевѣ вечерняго неба...

Я весь переполненъ радостью новизны и ожиданій...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вл. Короленко.

Старый марксизмъ и современная соціалъ-демократія.

I.

Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей по поводу уже окончившагося теперь столкновенія между Германіей и Франціей, вызваннаго марокскимъ вопросомъ, Жорестъ цитируетъ слова «Vorwaerts», официального органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, о растущемъ политическомъ значеніи пролетариата, «который будетъ всѣми силами противиться преступной попыткѣ натравливанія другъ на друга двухъ сосѣднихъ народовъ»,—но при этомъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе:

«Конечно, мы не будемъ предаваться самодовольнымъ иллюзіямъ; мы хорошо знаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей ни рабочій классъ, ни соціалистическая партія еще не обладаютъ достаточными силами, чтобы составить противовѣсъ алчности и соперничеству» (*L'Humanité*, № 431).

Подобнаго же рода заявленіе было сдѣлано Бебелемъ на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., когда онъ призналъ невозможнымъ для нѣмецкой соціалъ-демократіи бороться въ настоящее время съ властью германскаго императора: подождемъ, сказалъ онъ, когда насъ будетъ не три, а семь или восемь миллионъ.

Въ этихъ, несомнѣнно, очень компетентныхъ оцѣнкахъ современнаго политическаго положенія соціалистическихъ партій въ наиболѣе промышленныхъ западно-европейскихъ странахъ интересно отмѣтить вполне определенное указаніе на то, что, несмотря на свою очень большую численность, онѣ все еще занимаютъ далеко не господствующее политическое положеніе и даже обнаруживаютъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ буржуазными правительствами, свою сравнительную политическую слабость. Это обстоятельство ставитъ передъ нами весьма важный вопросъ *объ основныхъ причинахъ* такого явленія. До сихъ поръ теоретики социализма занимались преимущественно выясненіемъ причинъ громадныхъ успѣховъ и быстрого роста соціалистическаго движенія въ западно-европей-